

№ 535—540, 542—549). У всех восточнославянских народов есть песни с одинаковым зачином: «Сборы, сборы» — невеста собирала подруг за стол, сама садилась выше всех — голову клонила ниже всех. Смысл зачина наиболее ясно выражен в белорусской свадьбе, где он связан с обрядом «зборнай суботы» — последний прощальный вечер невесты с подругами. В белорусской традиции этот зачин очень устойчив. Таким образом, применяя сравнительный метод, можно установить исконное место этого и других сюжетов в восточнославянском обряде. Сравнительное изучение поможет определить место многих русских свадебных песен в обряде в зависимости от древнейшей связи фольклорного текста с действием, а не на основании случайных сведений исполнителей.

Выше говорилось о жанровом своеобразии русских свадебных причитаний, не известных украинцам и белорусам. Но вместе с тем нельзя пройти и мимо такого интересного и не объясненного еще явления, как совпадение образов, мотивов и целых сюжетных ситуаций севернорусских причитаний и грустных лирических свадебных песен других восточных славян. К ним относятся сетования невесты на *заручинах*, просьбы ее не прельщаться подарками сватов, не совершать установленных актов обряда. Во время плетения венков у белорусов невеста жаловалась на мать, что «без розуму у чужия людзі пусцілі» («Вяселле. Песні», кн. 2, с. 24). Невеста просит подруг расчесать ее косу и оплакивает ее («Вяселле. Песні», кн. 2, № 1033, 1038), такое же обращение к матери в украинских песнях («Весільні пісні», кн. 1, № 107—115). В украинской песне невеста прощается с двором отца: «Ой дворе ж мій, двороньку» («Весільні пісні», кн. 1, № 272). И вновь отдельные мотивы и образы русских свадебных причетов, производящие на первый взгляд впечатление поздних лирических художественных образований, получают иное объяснение благодаря привлечению материалов украинских или белорусских. Например, в русских причитаниях, исполнявшихся в разные моменты свадьбы, невеста просила мать (отца) поливать посаженные ею цветы (сад). Этот мотив настойчиво повторяется и в свадебных песнях украинцев и белорусов. Во вступительной заметке второго тома «Вяселле. Песні» автор связывает его с обычаем белорусских девушек перед свадьбой сажать цветы: руту, мяту и другие необходимые для будущего свадебного венка растения. Так образы получают реальное объяснение. Дальнейшее сравнительное изучение двух жанров свадебного фольклора восточных славян, вероятно, поможет понять и объяснить многое в их истории и взаимовлиянии.

Издания украинского и белорусского свадебного обряда и фольклора основаны на обширном, тщательно отобранном и в значительной части впервые публикуемом материале, удачно систематизированном составителями и снабженном научными статьями и комментариями. Они не только знакомят широкий круг читателей и специалистов с восточнославянским свадебным фольклором, но и открывают важные перспективы его дальнейшего научного исследования. Оба издания могут послужить хорошим образцом для новых фольклорно-этнографических публикаций.

И. М. Колесницкая

ПРОБЛЕМА РЕГИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ДРЕВНЕПЕРУАНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

С конца 60-х годов археологические и этнографические изыскания в Перу постоянно расширялись, и — что особенно ценно — ученые в основном сконцентрировали усилия на важных теоретических проблемах. По понятным причинам, наибольший вклад внесли американские и местные перуанские исследователи. Работали в Андах и европейские специалисты, особенно французские. В 60-е годы заявила о себе и новая для археологии Перу держава — Япония. В настоящее время деятельность японских этнографов и археологов уже во многом определяет направление и характер работ в данном ареале.

В небольшом обзоре трудно даже упомянуть все новые публикации и затронутые в них вопросы. Мы будем в основном опираться на четыре коллективных труда, вышедших в конце 1981 и в 1982 г. в Японии и США, и остановимся лишь на одной проблеме — историко-культурном районировании Центральных Анд. В свете недавних открытий по-новому ставится вопрос о сравнительной роли в хозяйственной и политической истории Древнего Перу побережья и горных районов, с одной стороны, севера и юга — с другой.

В книге «Чан-Чан: Город в перуанской пустыне» (далее — ЧЧ)¹ обобщены результаты американских исследований в долине Моче (с 1969 г.) — главном культурном центре на севере Перу с конца I тыс. до н. э. и до прихода инков. Почти все 14 глав написаны разными авторами, ответственными за соответствующие разделы исследовательской программы. Одним из ее руководителей был чикагский археолог М. Мосли. Им и его коллегами собрана наиболее полная в настоящее время информация по социально-экономической организации побережья начиная со II тыс. до н. э. Книга содержит богатый сравнительный материал для историков, изучающих генезис и ранние этапы развития древнейших государств. К сожалению, из-за колоссального объема проведенных полевых работ большая часть собранных в Моче данных, по-видимому, навсегда останется неопубликованной, а в этот сборник и в предварявшие его статьи вошли лишь важнейшие факты, выводы и теоретические обобщения участников программы.

¹ Chan Chan: Andean Desert City/Eds Moseley M. E., Day K. C. School of Amer. Research Book, Univ. New Mexico, Albuquerque, 1982. XXII, 373 p., 8 pl., 57 fig.

В японской монографии «Раскопки в Уакаломе» (далее — РУ)² с исчерпывающей полнотой описываются скрупулезные исследования небольшого телля в долине Кахамарка на севере горной области. Она продолжает серию таких же фундаментальных публикаций, начатую отчетом о работах японских археологов в Котоше. Ввиду полной неизученности района в прошлом и благодаря тщательной методике значение научных результатов изысканий огромно, несмотря на скромные размеры самого раскопа. В частности, получены важные сведения о времени распространения на севере Перу скотоводства.

Сборник «Человек и среда в Центральных Андах» (далее — ЧС)³ состоит из археологических и этнографических статей, в которых рассматриваются социальная организация, хозяйство, мифология и фольклор индейцев Анд. Для нашей темы особенно интересны статьи Х. Томоэды «Андский фольклор и мифология Амазонии» и И. Шимады «Горизонтальный архипелаг и взаимодействие между горами и побережьем на севере Перу». И. Шимада (живущий в США, но не прерывающий связей с коллегами в Японии) в последние годы заявил о себе как один из наиболее энергичных археологов, проводя огромные по масштабу исследования на северном побережье Перу. Его жена — М. Шимада принадлежит определению фаунистических и ботанических остатков из раскопок (РУ, с. 303—336; ЧС, с. 201—205).

«Этнографические исследования в южном Перу» (далее — ЭИ)⁴ — это историко-этнографический обзор по материалам экспедиции Токийского университета (июль 1978 г. и декабрь 1980 г.). Авторы сборника избегают теоретических проблем и в основном ограничиваются описаниями. Однако ряд выявленных ими фактов хорошо вписывается как раз в те новые концепции, которые выдвигают М. Мосли, И. Шимада и Х. Томоэда.

Для всех указанных работ характерно стремление выделить внутри центрально-андской историко-культурной области крупные ареалы, в каждом из которых исторический процесс отличался своеобразием. Как полагает перуанский этнограф Л. Мильонес (ЧС, с. 229—230), прежние исследователи обычно рассматривали Древнее Перу слишком обобщенно, видя в каждой конкретной культуре, помимо ее узкоместной специфики, лишь частное проявление панперуанского единства. Надо сказать, что еще в 1972 г. советский археолог В. А. Башилов подверг критике концепцию «перуанской общей традиции»⁵, и, видимо, лишь вследствие языкового барьера его выводы не могли оказать должного влияния на развитие теории за рубежом.

Если в 70-х годах (до работ И. Шимады и М. Мосли) в перуанистике и нашла отклик гипотеза, акцентирующая внимание на различиях между отдельными районами Древнего Перу, то это была концепция «вертикального контроля» американского этнографа и историка Дж. Мурры⁶. Она учитывает наличие в Андах нескольких протянувшихся в меридиональном направлении природно-хозяйственных зон: косты (побережья), сьерры (гор) и сельвы, или юнги (тропических лесов к востоку от Анд), а внутри сьерры — субтропической зоны кечуа (2300—3500 м над уровнем моря), холодной пуны (4100—4800 м) и т. д.⁷ По Мурре, в доиспанский период между жителями сьерры, с одной стороны, и косты либо юнги — с другой, а также между обитателями разных высотных поясов внутри самой сьерры шел интенсивный продуктообмен. Доступ к ресурсам других зон осуществлялся не столько благодаря торговле, сколько путем вывода колоний либо через регулируемое распределение, налаженное в границах тех государств, которые имели значительную протяженность с запада на восток.

Дж. Мурра безусловно прав, утверждая, что, хотя «вертикальный контроль» и нельзя считать уникальным южноамериканским явлением, ни в одном другом районе мира он не получил столь широкого распространения. Это связано с резким перепадом и огромным диапазоном высот (хозяйственная деятельность в Перу возможна до высоты 4800 м) и концентрацией населения в средней зоне горного пояса, благодаря чему люди могут попадать как в ниже-, так и в вышележащий пояса, не оставляя надолго постоянного местожительства⁸.

Авторы ЭИ и ЧС показывают, что «вертикальный контроль» до сих пор сохраняет огромное значение для индейцев южного Перу. Не случайно для подобного рода исследований был выбран именно юг страны, на материалах которого с самого начала базировалась рассматриваемая теория. Ведь именно на юге (и отчасти в центральных рай-

² Terada K., Onuki Y. with participation of Shimada M., Takayama H. a. o. Excavations at Huacaloma in the Cajamarca Valley, Peru, 1979. Report 2 of the Japanese Scientific Expedition to Nuclear America. Univ. Tokyo Press, 1982. XIV, 351 p., 68 fig., 135 pl., 5 color pl.

³ El hombre y su ambiente en los Andes Centrales/Eds. Milones L., Tomoeda H. (Senri Ethnological Studies, Osaka, National Museum of Ethnology, 1982, № 10). 307 p., 28 maps and figs., 32 photo.

⁴ Estudios etnográficos del Perú meridional/Ed. Masuda Sh. Universidad de Tokio, 1981. 229 p., 12 mapas y planos, 26 foto, 26 fig.

⁵ Башилов В. А. Древние цивилизации Перу и Боливии. М., 1972, с. 11.

⁶ Murra J. V. El control vertical de un máximo de pisos ecológicos en la economía de las sociedades andinas.— In: Visita de la provincia de León de Huánuco en 1562, t. 2. Huánuco, 1972, p. 429—476.

⁷ Характеристику высотных поясов в Андах см. в ЭИ; на русском языке: Серов С. Я. Особенности этнического развития Перу (XIX—XX вв.).— В кн.: Этнические процессы в странах Южной Америки. М., 1981, с. 158, 159.

⁸ Почти половина перуанцев живет сейчас на высоте 2300—4000 м. См. Биология жителей высокогорья/Под ред. Бейера П. Т. М.: Мир, 1981, рис. 11, 1, с. 350.

онах) Перу сохранилось индейское население, почти исчезнувшее на севере. Однако сама эта демографическая картина—в значительной мере результат экономико-географических различий между севером и югом, оказавшихся вне поля зрения Мурры.

Для М. Мосли (ЧЧ, с. 3) ключевым в понимании древней истории Центральных Анд является деление этой области на север (точнее, северо-запад), где центры цивилизаций находились на побережье, и юг (юго-восток), ресурсы которого были сосредоточены преимущественно в горах.

Действительно, на севере Перу прибрежная полоса расширяется до 50 км, и здесь, вдоль всего лишь 1/10 перуанской береговой линии, располагается не менее трети орошаемых земель. В противоположность этому на крайнем юге побережья, охватывающем почти треть береговой линии, горы вплотную подходят к океану и земледелие возможно только в нескольких небольших оазисах⁹.

В горах на севере отсутствует пуна (богатая пастбищами тундро-степь) как особая экологическая ниша, а пояс хребтов сужается, что ограничивает развитие скотоводства. Обширное плоскогорье Альтиплано на юге Перу и в Боливии, напротив, покрыто отличными пастбищами и подходит для выращивания высокогорных клубнеплодов, но здесь ощущается нехватка продуктов, получаемых в зонах с более теплым климатом.

Центральное Перу (т. е. центральные горы, центральное и в основном южное побережье) по наличию скотоводческого потенциала в горах и земледельческого на побережье занимает промежуточное положение между севером и югом.

По-видимому, теория «вертикального контроля» приложима главным образом к южным и отчасти центральным районам Центральных Анд и вообще более характеризует отношения между разными зонами горного пояса, нежели связи «сырра — коста». Материал, собранный Дж. Муррой и пошедшими по его следам этнографами, свидетельствует, что доступ к ресурсам других зон важен, во-первых, для скотоводов пуны, которые нуждаются в сельскохозяйственных продуктах, а во-вторых, для обитателей зоны кечуа, заинтересованных в свою очередь в продуктах скотоводства и в транспортных средствах (ламах под вьюк). Поскольку индейцы как зоны кечуа, так и пуны в равной мере стремятся к контактам, принципы «вертикального контроля» получают широкие возможности для развития.

Современные материалы гораздо хуже освещают взаимоотношения горцев с жителями побережья. Известно, однако, что там, где погонщики лам до недавних пор спускались к океану (на юге Перу и севере Чили), местных жителей они интересовали прежде всего как владельцы вьючных животных¹⁰. Для эпохи конкисы информация о подобных контактах скудна. Ясно, что горцам было выгодно иметь собственные земли в прибрежных долинах, но что они могли предложить взамен? Если только коку (а большинство примеров, приводимых Дж. Муррой в доказательство заинтересованности индейцев побережья в контактах с горцами, касается именно листьев этого курстарника, которые использовались в ритуале), то ее можно было достать в ближайших предгорьях. Связи же с горным хинтерландом могли приобрести подлинно стратегическое значение лишь в случае, если индейцы низменности испытывали нужду в ламах. Традиционно считалось, что на побережье своего скотоводства не было, так как ламам якобы не подходил местный климат. Следовательно, коль скоро жителям побережья требовалось перевозить грузы, они зависели от горцев-погонщиков.

Изыскания последних лет доказывают, что дело обстоит иначе, и лам на северном побережье (о южном и центральном пока данных нет) не только успешно разводили, но, возможно, начали это делать раньше, чем на соответствующей широте в горах. Данное обстоятельство заставляет пересмотреть картину взаимоотношений горцев с береговыми жителями, ограничивает возможности применения теории Дж. Мурры и позволяет лучше оценить глубину различий в экономике севера и юга Перу.

О том, что до инков на побережье Перу существовало собственное скотоводство, догадывались и прежде: на сосудах культуры мочика (I—VII вв. н. э.) изображены самки с детенышами, тогда как в состав караванов всегда включали только кастрированных самцов. Решающим аргументом эти изображения, однако, не служили в силу их сугубо ритуального характера. Лишь после анализа фаунистических остатков из раскопок И. Шимады в долине Ламбайеке (ЧС, с. 162—163) и американских археологов в Моче (ЧЧ, с. 177—196) стало ясно, каких широких масштабов достигло ламоводство на севере Перу.

Видимо, лам начали разводить здесь еще в конце II тыс. до н. э.: на городище Кабальо-Муэрто камелиды в это время давали уже более четверти животного протеина (ЧЧ, с. 180). Мясо лам продолжали употреблять в пищу, и во второй половине I тыс.

⁹ «Крайний юг» побережья (примерно от 15°40' ю. ш. до чилийской границы) при-
мыкает к южной части горной области. Термин «южное побережье» (13°20'—15°40' ю. ш.)
принято относить к долинам, которые соответствуют по широте в основном централь-
ным районам горного Перу. В доиспанский период диспропорция между сельскохозяй-
ственным потенциалом разных районов побережья была, вероятно, еще значительнее,
поскольку на севере современная площадь орошаемых земель не менее чем на треть
уступает древней. Вызвано это главным образом меняющимися (в неблагоприятном
направлении) природными факторами, зона действия которых охватывает более всего
северное побережье. См.: Moseley M. E., Feldman R. A. Living with Crises.— Early Man,
1982, v. 4, № 1, p. 10—13; Moseley M. E., Feldman R. A., Orloff Ch. R., Narvaez A. Prin-
ciples of Agrarian Collapse in the Cordillera Negra, Peru.— Annals of Carnegie Museum,
1983, v. 52, article 13, p. 299—327.

¹⁰ Browman D. L. Camelid Pastoralism in the Andes: Mimeographed. St. Louis, 1979,
p. 23, 29.

до н. э. у обитателей города Серро-Арена (центр долины Моче в эпоху салинар) оно составляло 92% растительной пищи¹¹. Практически невероятно, чтобы столь большие стада пригоняли со стороны. Нет никаких исторических или этнографических свидетельств того, что горцы когда-либо снабжали индейцев побережья мясом в подобных масштабах. Кроме того, разведение лам на месте прямо доказывается анализом соотношения их останков по полу и возрасту, проделанным для позднемочикской столицы Пампа-Гранде. Не менее важно, что в прилегающих к северному побережью горных районах, где вели раскопки японские археологи, скотоводство, по-видимому, распространяется лишь с середины I тыс. до н. э., когда ламы, чьи останки найдены в Кабальо-Муэрто, были уже давно съедены. Переход к потреблению мяса камелидов в Кахамарке был связан с распространением керамического комплекса лайсон, по-видимому, одновременного культуре салинар (РУ, с. 262, 303—313).

Недавние раскопки перуанского археолога Д. Бонавия в долине Уармей позволяют поставить вопрос о том, что попытки разведения лам на северном побережье стали предприниматься сразу же после того, как в центральных или южных горах Перу закончился процесс их одомашнивания, а именно в первой половине III тыс. до н. э.¹² В датированном соответствующим временем местонахождении Лос-Гавиланес были обнаружены помет лам и изделия из шерсти альпаки¹³. Бонавия подчеркивает, что палеозоологические определения не оставляют сомнений в принадлежности соответствующих останков домашним, а не диким видам. Ламы в Лос-Гавиланес скорее всего использовались под выюк: на них могли привезти груз кукурузы, многие тонны которой были найдены в ямах-хранилищах. Этих лам, возможно, пригнали с гор, однако существенно, что уже в столь ранний период обитатели побережья были знакомы с домашними камелидами.

Если не позднее I тыс. до н. э. жители северного побережья владели собственными стадами, то ресурсы горной области имели для них ограниченное значение. Даже руды можно было добывать, не поднимаясь в горы, хотя горные источники золота и меди были, вероятно, богаче (ЧС, с. 181). Что же касается горцев, то они, безусловно, были заинтересованы в получении продуктов с побережья, но, не располагая дефицитными товарами, вряд ли были способны заинтересовать в подобных связях желаемых контрагентов. Поэтому нет ничего удивительного в том, что, по данным И. Шимады на северном побережье почти нет находок по крайней мере позднемочикского периода, которые бы указывали на контакты с обитателями земель к востоку от континентального водораздела.

Но если горцы не могли установить продуктообмен с побережьем на взаимовыгодной основе, быть может, им следовало опираться на силу? На севере Перу исключалась и эта возможность ввиду превосходящего во всех отношениях потенциала побережья. Особенно неблагоприятными для горцев были, вероятно, периоды существования на прибрежной равнине крупных государств, соответствующих культурам мочика и чиму. Судя по данным археологии, эти политические объединения не пытались проникнуть в горы, а распространялись вширь, захватывая одну за другой все новые прибрежные долины. Так, в конце существования царства Чимор (соответствующего культуре чиму) в середине XV в. протяженность его с севера на юг достигла почти 1000 км при ширине не более 70—80 км. Ареал культуры мочика тысячелетием раньше протянулся на 400 км, не считая анклавов к северу (Пьюра) и к югу (Уармей) от основной территории, прихода которых пока довольно загадочна.

Вряд ли случайно, что значительные контакты между горами и побережьем на севере Перу фиксируются либо в эпоху инков, когда сьерра победила косту не в региональном, а в панперуанском масштабе, либо после гибели культуры мочика, но до сложения царства Чимор. В это время (конец I тыс. н. э.) на побережье распространяется керамика, близкая посуде горной культуры кахамарка, хотя и ее И. Шимада не считает возможным однозначно истолковать как следы пребывания горцев-колонистов (ЧС, с. 173—176).

Растянутасть границ прибрежных государств он объясняет их стремлением овладеть минеральными ресурсами, неодинаковыми в отдельных долинах, и участками леса, росшего в верховьях лишь некоторых рек (ЧС, с. 150—169). Однако, на наш взгляд, возникновение государств с подобной конфигурацией границ могло произойти под воздействием не только чисто экономических стимулов, но и самого специфического ландшафтного окружения северного Перу в условиях отсутствия у жителей побережья интереса к контактам с горами.

Напомним, что побережье Перу — это узкая полоса исключительно плодородных оазисов, которые в северных и центральных районах страны омываются самыми богатыми в мире по количеству пищевых ресурсов морскими водами. Как с запада (открытый океан), так и с востока (пустынные предгорья, за которыми начинается горная область в собственном смысле) эта узкая полоса жестко ограничена. В истории древнего мира известен еще лишь один случай, когда территория цивилизации оказывалась предельно вытянута в меридиональном направлении, но сжата в широтном. Речь идет о долине Нила. Абсолютные размеры территории как по длине, так и по ширине в обоих случаях также сопоставимы.

¹¹ *Pozorski S. G. Prehistoric Diet and Subsistence of the Moche Valley, Peru.*— *World Archaeology*, 1979, v. 11, № 2, p. 175.

¹² *Lavallée D., Julien M. Un aspect de la préhistoire andine: l'exploitation des coméridés et des cervidés au formatif dans l'abri de Telarmachay (Junin, Pérou).*— *Journal de la Société des Américanistes*, 1981, t. 7, p. 97—124; *Willay: Newsletter of the Andean Anthropological Research Group*, 1983, № 12, p. 8—9.

¹³ *Bonavia D. Los Gavilanes.* Lima, 1983, p. 201, 225, 297, 395.

И. М. Дьяконов убедительно объясняет раннее появление крупного государства в Египте соответствующей конфигурацией страны¹⁴. Если в Месопотамии (как, кстати, и в Мезоамерике) политическая география была двумерной и города-государства, вступая в разнообразные коалиции с соседями, долго противостояли попыткам любого из них взять верх над остальными, то вытянутые цепочкой вдоль реки египетские номы (которым в Перу соответствуют отдельные прибрежные долины) были покорены первым же усилившимся номом, имевшим возможность по одному громить своих врагов.

Раннее объединение и могущественная царская власть во многом определили особенности политико-экономической структуры Египта (отсутствие общины свободных и полноправных граждан, административно независимых от государственных хозяйств; поглощение общинно-частного сектора экономики государственным; незначительная роль городов в политической истории), отличающие ее от шумеро-аккадской. Последние исследования социально-экономической организации мочика и чиму (ЧЧ, с. 145—175, 338—349; ЧС, с. 156—160, 199—203) позволяют предполагать, что и северное побережье Перу развивалось по той же модели.

Совсем иная ситуация складывалась на юге и отчасти в центре Перу, где горные, политические объединения, обладая более мощными продовольственными, сырьевыми и демографическими ресурсами, должны были доминировать над прибрежными. Свидетельством этого являются, по-видимому, позднетиауанацкие (около 1000 г. н. э.) колонии на крайнем юге побережья и разнообразные следы тесных контактов между культурами уари (центральные горы) и наска (южное побережье) в середине I тыс. н. э.

На юге Перу благодаря связям прибрежных долин не столько по цепочке друг с другом, сколько с различными горными районами, полоса оазисов вдоль океана не превратилась в замкнутую систему, и здесь не сложилось условий для образования крупных меридионально растянутых государств. Вряд ли случайно, что именно на южном побережье в эпоху конкисты отмечена группа свободных торговцев¹⁵, чье существование плохо вяжется с типичной для инков (и восходящей к Чимор?)¹⁶ системой государственного распределения. Правда, в эпоху конкисты мелкие торговцы отмечены и на севере побережья, однако, по мнению С. Р. Мирес-Ортона (ЧС, с. 123—136), испанцы включили здесь в их число лиц, которые при инках и ранее не были независимы в своих действиях, а функционировали в системе регулируемого распределения.

Если исследования японских и американских археологов поднимают вопрос о наличии в северной половине Центральных Анд иных, чем на юге, форм политико-экономической организации (север: на побережье самообеспечивающиеся меридионально растянутые государства, в горах небольшие политические объединения, относительно малоразвитое скотоводство; юг: на побережье преобладание политической раздробленности, в горах крупные государства, в экономике которых важную роль играли развитое скотоводство в пунах, «вертикальный контроль», интенсивные связи с побережьем при доминировании над последним), что вытекает из географических различий между данными ареалами (большая ширина побережья, меньшая ширина горного пояса и отсутствие настоящей пуны на севере), то наблюдения этнографов и фольклористов позволяют предполагать существование этнокультурной границы, пересекающей Центральные Анды в широтном направлении.

Вопрос этот затронут в статье Х. Томозды (ЧС, с. 275—306), который, привлекая массовый материал, доказывает, что на севере и на юге Перу распространены разные мифологические и фольклорные сюжеты, граница между которыми сейчас размывается. Выводы Томозды перекликаются с заключениями, сделанными на совершенно других материалах Ш. Масудой (ЭИ, с. 173—192). Последний изучал на крайнем юге побережья одну из самых архаичных отраслей хозяйства перуанцев: добычу съедобной морской водоросли, которая в виде сушеных брикетов попадает в удаленные горные районы. Эти данные хорошо вписываются в концепцию «вертикального контроля», но еще интереснее сведения Масуды о том, что на севере и на юге побережья добываются водоросли разных видов. Объяснить это можно только культурной традицией, ибо ареалы видов перекрывают друг друга. Автор допускает, что древняя культурная граница могла пересекать Перу с запада на восток в районе Лимы или немного южнее.

На наш взгляд, существование подобной границы подтверждается еще и тем, что фольклорно-мифологические сюжеты, распространенные на севере и на юге Центральных Анд, не просто отличаются друг от друга, но и обнаруживают параллели с сюжетами, характерными для разных ареалов за пределами Центральных Анд. В мифологии индейцев Боливии и юга Перу много общего с мифологией Чако. Что же касается северного Перу, то здесь аналогии уходят в горную Колумбию, Эквадор и прилегающие районы Амазонии.

Не известно, когда впервые возникли подобные различия, но археологически они хорошо прослеживаются по крайней мере в начале I тыс. до н. э. В то время побережье (кроме крайнего юга), северные и отчасти центральные горы входили в зону влияния культуры чавин, которая в период своего генезиса была связана с Эквадором и Амазонией. В Алтиплано и сопредельных с ним районах, включая долину Куско, были иные, возможно, родственные между собой культуры. На южном побережье в начале

¹⁴ История древнего мира. Т. 1. Ранняя древность/Под ред. Дьяконова И. М., Нероновой В. Д., Свенцицкой И. С. М., 1982. с. 42.

¹⁵ Rostworowski de Diez Canseco M. Pescadores, artesanos y mercaderes costenos en el Peru prehispanico.— Revista del Museo Nacional. Lima, 1975, t. 41, p. 311—349.

¹⁶ Kolata A. L. Chan Chan and Cuzco: On the Nature of the Ancient Andean City.— In: Civilizations in the Ancient America/Eds Leuentaac R. M., Kolata A. L. Albuquerque, 1983, p. 345—371.

1 тыс. до н. э. преобладало влияние культуры чавин, а с середины I тыс. до н. э. стали ощутимее связи с Альтиплано¹⁷. В Центральных горах Перу вне влияния чавина остался район, занятый высокогорной пуной¹⁸.

Вопрос о том, почему влияние культуры чавин проникло в одни районы и обошло другие, затрагивался многими перуанистами. Сейчас ясно, что это не было сопряжено с успехами или неудачами военных походов: чавину могли соответствовать небольшие протогосударства — вождества¹⁹, но не единое политическое объединение. Все основные сельскохозяйственные культуры (кукуруза, фасоль, тыквы, маниок) были известны в Перу задолго до эпохи чавина, поэтому распространение специфического для чавина религиозного культа и соответствующего стиля искусства нет оснований связывать с распространением каких-либо хозяйственных новшеств. С нашей точки зрения, наличие чавиноидной культурной общности можно объяснить тем, что ей соответствовала группа родственных этносов, граница распространения которых в свою очередь определялась разными экологическими условиями на северо-западе и юго-востоке Центральных Анд.

Раскопки начала и середины нашего века дали возможность увидеть в общих чертах, как менялась культура древнего Перу во времени. Археологические и этнографические исследования последних лет впервые позволяют ощутить значительную пространственную неоднородность Центральноандской культурно-исторической области. Эта область была ареной взаимодействия различных центров, среди которых север побережья и Альтиплано на юге являлись, очевидно, важнейшими.

Ю. Е. Березкин

¹⁷ О культурах Альтиплано в I тыс. до н. э. и их связях с южным побережьем см., в частности: *Jorge Chavez S., Mohr Chavez K. L. A Carved Stela from Taraco, Puno, Peru, and the Definition of an Early Style of Stone Sculpture from the Altiplano of Peru and Bolivia.* — *Nawpa-Pacha*. 1976, № 13, p. 46—84.

¹⁸ *Browman D. L. Trade patterns in Central Highlands of Peru in the First millennium B. C.* — *World Archaeology*, 1975, v. 6, № 3, p. 322—329.

¹⁹ *Pozorski T. The Early Horizon Site of Huaca de los Reyes: Societal Implications.* — *American Antiquity*, 1980, v. 45, № 1, p. 100—110; *ibid.* — ЧЧ, с. 249—250.

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Библиографический указатель по славянскому и общему языкознанию. Никита Ильич Толстой. Самарканд: Изд-во Самарканд. ун-та, 1983. 111 с.

Рецензируемая книга — персональная библиография-обзор. Она насчитывает 205 названий работ ученого с аннотациями, над которыми трудились 27 составителей, содержит указатель терминов, имен, языков, встречающихся в работах Н. И. Толстого, список основных рецензий на его труды. Это новый жанр, ибо до сих пор более распространенными были аннотированные библиографии по отраслям наук, библиографии, так сказать, безличные. И именно потому, что настоящий выпуск серии библиографических указателей по славянскому и общему языкознанию, как пишут авторы, является первым, можно задать вопрос, относящийся к целому жанру: что же дает такая библиография? Читая эту книгу, убеждаешься — очень многое.

Читатель — лингвист, историк, этнограф, интересующийся славистикой, найдет здесь по ряду проблем вполне достаточную информацию, позволяющую ориентироваться в выборе соответствующих работ для внимательного прочтения. Библиография работ Н. И. Толстого дает, по существу, сведения о состоянии славистики на сегодняшний день.

Однако поскольку эта библиография персональная, она в своеобразной форме представляет творческий путь ученого, связывая все (или почти все) работы, в том числе напечатанные в редких, труднодоступных изданиях, в единую хронологическую цепь. Персональная библиография имеет свои достоинства по сравнению с очерком о деятельности ученого. В очерке мы сталкиваемся с определенной точкой зрения пишущего на личность и творчество исследователя и только через эту призму постигаем содержание его научной деятельности. Библиография может быть неполной; в аннотациях работ составитель волен расставлять акценты так, как считает нужным (нам представляется, что теоретический смысл семасиологических работ Н. И. Толстого, например № 29 и 48, мог бы быть сформулирован более четко), тем не менее это наиболее беспристрастная, объективная информация, позволяющая читателю самому делать оценки. Правда, в рецензируемой книге присутствует и очерк: собственно библиографическое описание предваряется обстоятельным вступлением, в котором В. М. Мокиенко с большой теплотой рисует портрет Н. И. Толстого — ученого, педагога, организатора науки.

Рассматриваемый указатель интересен не только филологу или этнографу, но и науковеду, благодаря содержащемуся в нем ценному материалу по основным проблемам, занимающим сегодня философию науки: преемственности и традиции в развитии научного знания, диапазон интересов ученого, складывания научных школ и коллекти-